

Илья Кукуй

**ЕДА И ПИЩА В БЛОКАДНОМ ТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ ДНЕВНИКА П. ЗАЛЬЦМАНА)**

Как в словарях русского языка, так и в современной языковой практике слова «еда» и «пища» бытуют как синонимы разной стилистической окраски и различной сферы употребления. «1. То, что едят и пьют, что служит питанием, еда» – таким образом замыкается синонимический ряд *пища/еда* в соответствующей словарной статье Малого академического словаря русского языка (МАС, Евгеньева 1999, т. 3, 129)¹; в случае «еды» словарь еще более лаконичен – «2. то же, что пища» (1, 461). Существенным моментом в отношении «еды» выступает акцент на процессуальности, являющейся, по МАС, первым значением слова («1. Действие по глаголу *есть*»)²; слово «пища» может, в отличие от «еды», выступать в переносном значении («2. *перен.* То, что служит источником для чего-л., дает материал чему-л.»)³ и, соотв., являться ядром фразеологических оборотов («Давать пищу чему или для чего – способствовать возникновению, распространению чего-л.»).

Диахронный анализ словарных статей и практик словоупотребления показывает как колебания доминантных и периферийных значений, так и существенные отличия бытования лексем. В Толковом словаре Ушакова охваченные значения слова «еда» сохранены и истолкованы идентично МАС, однако на первом месте выступает эквивалентность пище в разговорном языке («То же, что пища (*разг.*)». – Ушаков 1935, 1, 826), и лишь затем процессуальность по актанту «еда». Словарная статья «пища» в

¹ Здесь и далее ссылки на МАС даются в тексте с указанием тома и страницы по изданию Евгеньевой (1999). Описание этого значения слова «пища» в Большом академическом словаре (БАС, Чернышев 1959) идентично, за исключением снятия полного соответствия еде («1. То, что едят и пьют, что служит для питания», ср. Чернышев 1959, 1271).

² Интересно, что БАС описывает то же явление применительно к слову «пища», определяя его как устаревшее и выделяя в отдельное значение («3. *Устар.* Употребление продуктов питания; еда». – Чернышев 1959, 1273).

³ В БАС это значение более отчетливо нацелено на духовную сферу человеческой деятельности («То, что обеспечивает возникновение, развитие духовной деятельности, умственных способностей». – Чернышев 1959, 1272).

словаре Ушакова дает более дифференцированное толкование, чем МАС. Первое значение слова («То, что едят и пьют с целью насыщения, что служит для питания». – Ушаков 1939, 3, 273) сопровождается пометой «*книжн.*»; подчеркнута противопоставление пищи (= еды) питью («... Еда, в отличие от питья»), а значение «питательности» обособлено («... Вещества, питающие организм»), что эксплицитно выделяет на уровне предикативности пары *еда* ↔ *есть*, *пища* ↔ *питаться*. Переносное значение слова «пища» («То, что является материалом для усвоения, изучения, запоминания и т. п.») снабжено здесь пометой *устар. или шутл.*

Словарь Ушакова выходил в свет с 1934 по 1940 гг.; в процессе выхода было принято решение о начале работы над новым словарем (БАС и созданным на его основе МАС), первые тома которого начали выходить уже после войны. Необходимость нового словаря подчеркивалась изменениями, произошедшими в общественном сознании и языковой практике: «Работники Словаря знают и помнят, что в нашей стране выросли поколения людей с новыми взглядами на жизнь, социальные отношения и природу – люди с современными научными и общественными потребностями, которым должна удовлетворять наша наука, в частности и словарная продукция» ([Хроника] 1940, 138). Несмотря на очевидную идеологическую конъюнктурность этого высказывания, за ним стоит и определенная языковая реальность: уже столь поверхностное сравнение языковых статей двух словарей (БАС/МАС и Ушакова), отстоящих друг от друга едва ли на два десятилетия, показывает наличие определенных колебаний в отношении субстантивной лексики по одному из базовых культурных и языковых концептов – *еда/пища*.

Остановимся на отличиях внутри этого синонимического ряда и постараемся кратко проследить за бытованием соответствующих лексем в литературном языке. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под ред. Ю. Апресяна выделяет обе лексемы «еда» и «пища» как актуальные, противопоставляя их лексемам «*снедь (уходящ.)*» и «*яства (книжн.)*», а в качестве определяющего признака при выборе слова предлагает объект действия: «то, что едят в данный момент, или то, чем питаются» (здесь и далее Апресян 1997, 96-97). Смыслоразличительными признаками выступают два основных параметра: 1) «то, что едят в данный момент (еда), или то, чем питаются вообще (пища)»; 2) еда оценивается «с точки зрения вкуса и вида, пища – с точки зрения ее влияния на организм». При этом «слово *пища* уместно также в случае, когда речь идет об организованном питании **м н о г и х** людей», и, «обозначая более абстрактное понятие, синоним *пища* употребляется при описании питания **л ю б о г о** живого существа или **к л а с с а** живых существ». Тем самым, прилагая эту информацию к интересующему нас блокадному тексту, можно сказать,

что слово «пища» возникает тогда, когда говорящему всё равно, что он ест – важен лишь эффект насыщения; что говорящий воспринимает процесс в первую очередь с точки зрения вписанности момента еды в общую проблематику питания, стоящую в центре внимания; и что говорящий не выделяет себя как человека из ряда других живых существ.

Если же проанализировать бытование лексем *пища/еда* в литературном языке XVIII-XX вв, то на основании данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) можно сделать следующие наблюдения⁴:

ПИЩА

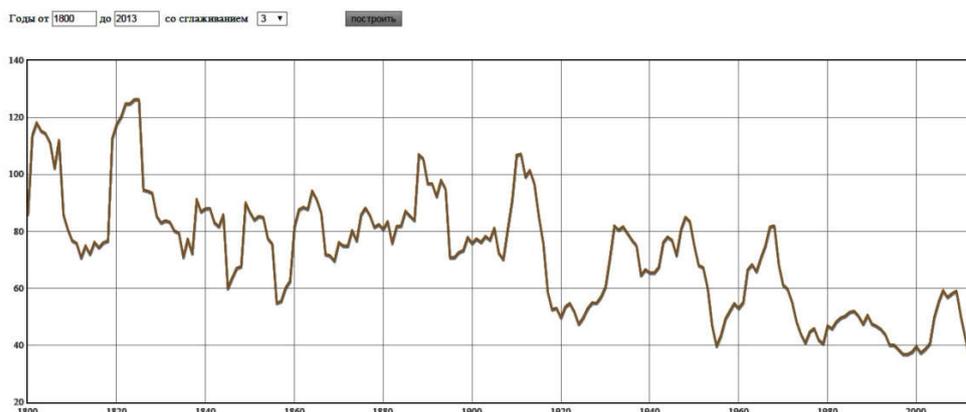
Общее число вхождений – 11729⁵

XVIII в. – 625, из них художественные тексты – 83 (13,28%)

XIX в. – 3625, из них художественные тексты – 1278 (35,26%)

XX в. – 6962, из них художественные тексты – 2500 (35,91%)

Распределение по годам (частота на миллион словоформ):

Писатели с наибольшим числом вхождений (более 100):

А. Платонов – 189

⁴ Отметим, что результаты, полученные через НКРЯ, в силу относительной ограниченности базы текстов являются лишь первым приближением к реальной языковой картине. Кроме того, в ряде случаев мы сталкиваемся с проблемой неснятой омонимии (еду vs. еду́, пища vs. пища́). Полученный результат, тем самым, можно уподобить репрезентативному социологическому опросу накануне президентских выборов в сложной политической ситуации – лишь после выборов можно с уверенностью сказать, насколько близок к истине оказался опрос. Тем интереснее сопоставить результаты исследования узкого сегмента текстов (по тематике, дате и месту происхождения) с общей картиной.

⁵ В распределении по векам учитывались только точные вхождения, т.е. те, где дата создания произведения была атрибутирована конкретному столетию; произведения, датировка которых в корпусе приходилась на рубеж столетий (напр., В. Бехтерев, «Внушение и его роль в общественной жизни», 1898-1925), из подсчета были исключены. В силу этого общее число вхождений за три столетия превышает сумму вхождений за отдельные века.

И. Ефремов – 110
А. Ладинский – 110
М. Салтыков-Щедрин – 104

Авторы нехудожественных текстов с наибольшим числом вхождений (более 200):

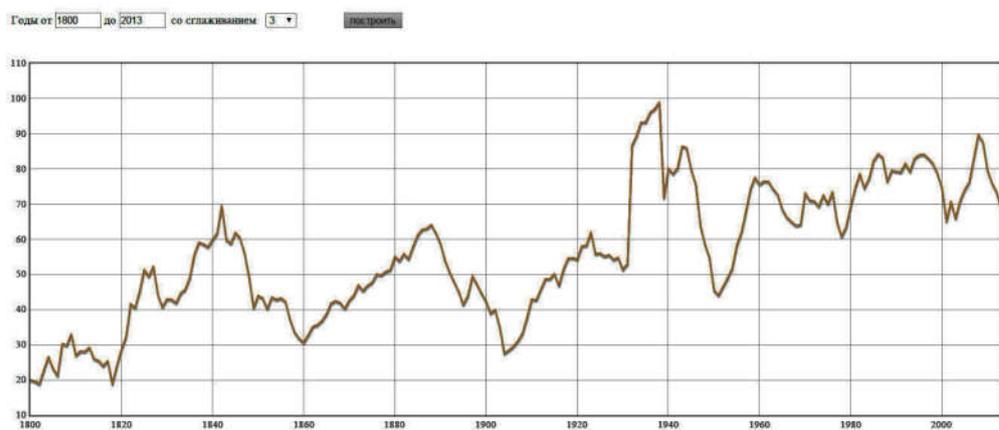
Ф. Эрисман – 475
И. Павлов – 338
И. Мечников – 224

ЕДА

Общее число вхождений – 10062

XVIII в. – 71, из них художественные тексты – 13 (18,31%)
XIX в. – 2211, из них художественные тексты – 1479 (66,89%)
XX в. – 7704, из них художественные тексты – 4333 (56,24%)

Распределение по годам (частота на миллион словоформ):

Писатели с наибольшим числом вхождений (более 80):

А. Писемский – 103
Ф. Искандер – 97
А.Н. Толстой – 84
Л.Н. Толстой – 80

Авторы нехудожественных текстов с наибольшим числом вхождений (более 80):

О. Фрейденберг – 245
М. Пришвин – 101
Л.Я. Гинзбург – 85
М. Салтыков-Щедрин – 81
М. Бахтин – 80

Какие выводы можно сделать из этого – очень грубого, но тем не менее репрезентативного – анализа? Историческое развитие литературного языка

в течение XIX-XX вв. показывает падение частоты словоупотребления лексемы «пища» и рост частотности лексемы «еда»; при этом «пища» до сих пор остается доминантной лексемой за счет нехудожественных текстов. Лидером среди писателей, пользующихся лексемой «пища», является Андрей Платонов – обладатель, вероятно, наиболее девиантного по отношению к литературной норме идиолекта. При этом, однако, трое из четырех писателей, в словаре которых наиболее часто встречается лексема «пища», принадлежат к XX в. (Платонов, Ефремов, Ладинский⁶); в случае «еды» картина ровно противоположная – трое из четырех принадлежат по преимуществу к XIX в. (А. Писемский, А.Н. и Л.Н. Толстые). Если в списке авторов нехудожественных текстов, тяготеющих к «пище», исключительно физиологи, то все любители «еды» – писатели и филологи. Рост по количеству вхождений в XX в. значительно выше у «еды» – 348% по отношению к 192% у «пищи».

В интересующий нас период (1930–40-е гг.) отмечается рост частотности словоупотребления обеих лексем. Это легко объяснимо: в эпоху исторических катаклизмов и с учетом страшного и повторившегося как минимум трижды опыта голода в результате человеческой агрессии (продразверстка в начале 1920-х, Голодомор начала 1930-х и блокада Ленинграда 1941-1944 гг.) резко возрастает внимание к теме еды и питания. Соответственно повышается и чувствительность языковой рефлексии, зачастую проходящей по текстам на наших глазах. И если абстрактный график показывает, что лексема «еда» является чуть более частотной (1944: «пища» – 78,29 вхождений, «еда» – 86,06), то дифференцированный анализ может показать интересные закономерности словоупотребления.

Толчком к этим заметкам послужило наблюдение одного из внимательных читателей⁷ блокадного дневника, принадлежавшего перу художника, писателя и поэта П. Зальцмана (1912–1985), у которого сразу бросается в глаза повышенная частотность употребления слова «пища» по отношению к «еде». В опубликованном тексте (Зальцман 2012а⁸), включающем в себя 14256 словоформ, «пища» фигурирует 22 раза, «еда» – 7 раз. Слово «еда» используется почти исключительно в значении «действие по глаголу *есть*» (6 раз), маркируя момент или время приёма пищи⁹:

⁶ Следует учесть, что язык произведений Ефремова и Ладинского обусловлен их жанровой природой: у Ефремова – научная фантастика, у Ладинского – исторические романы.

⁷ Благодарю Н.В. Скворцову за это ценное наблюдение.

⁸ В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц; см. также электронную публикацию: [<http://magazines.russ.ru/znamia/2012/5/za12.html>].

⁹ Ср. со следующим высказыванием в дневнике С.К. Островской: «...разделение дня на часы по признакам еды и сна – если "вставать пора!", значит, 7 часов утра, если "обед", значит, 1 час дня... и интерес к *еде*, не как к *пище*, а как к внешнему событию,

1. «Иногда папа, который был очень голоден, собирал с мясорубки нежареную сою, и я раздраженно ругался, что *еда*¹⁰ совершается не за столом и не в порядке. Почему-то я считал, что продержаться можно, только поддерживая строжайший порядок. По утрам я убирал комнату и стелил постели, оставляя папу и маму мучительно ожидать утренней *еды*» (144-145)¹¹;
2. «Мы лихорадочно проживали три часа до *еды* и думали только о предстоящей *еде*, а после неё мы мучились тем, что она кончилась» (153);
3. «...во время *еды* мы стлали поверх одну из белых скатертей» (131).

Лишь в одном случае слово «еда» используется в качестве полного синонима пищи (по МАС, «то, что едят и пьют, что служит питанием»): «Я до сих пор старался добывать еду, и мама мне помогала в этом своими сверхчеловеческими усилиями» (134).

Интересен отрезок текста, на котором Зальцман использует синонимы (как мы видели выше, его идиостиль тяготеет к повторам):

«Комната, где была столовая, была маленькая, узкая, в одно окно, стол тянулся вдоль неё, и стулья с обеих сторон касались стен. Слева стоял буфет, где к нашему приходу, то есть впуску, лежали порции и *продукты*, а справа стоял вспомогательный стол <...>, там были весы и посуда. Но взвешивание проводилось до нас. Это внушало нам бесконечные опасения и приводило нас в ярость. Кроме того, мы, рассевшись, внимательно и жадно следили за тем, какие кому кладутся куски. Но вид *пищи*, настоящей, немислимой хорошей *пищи*, сахара и, главное, масла, был каждый раз невероятным. Мы испытывали, кроме чувства *еды*, которое изобразить не бывшему там невожнo, ещё одно чувство – ненависти друг к другу, а главное – к девке, которая развешивала нам» (154).

развлечению, к занятию» (Островская 2013, 305. – Здесь и далее курсив мой – И.К.). В этой связи удачным представляется, по всей видимости, осознанное использование Полиной Барсковой, (со)издателем дневника Островской, соответствующей метафоры, которая подчеркивает отделение принадлежащей к сфере плотского еды от пищи, являющейся в свою очередь объектом почти «духовного» наслаждения: «Формулируемый Островской комплекс "вторых радостей", оставшихся блокадникам после всех потерь (и, главное, зачастую после мучительной утраты, искажения собственного "я"), – замечательно любопытное явление, показывающее, какие именно формы *духовной пищи* культивировались ленинградцами: "Первые радости из моей жизни ушли – наверно и вероятно, навсегда: семья, дом, любовь, дружба. Остались вторые радости, которыми жить могу и буду: книги и музыка, любование природой и архитектурой города и стихотворения, наслаждение от работы, собственного интеллекта и экспериментальное поле для наблюдений над человеком и человеческим"» (Островская 2013, 707).

¹⁰ Здесь и далее курсив мой. – И.К.

¹¹ Отметим здесь и ниже использование одной лексемы на достаточно небольшом участке текста.

В приведенном отрывке интересно использование слова «пища» как раз в том случае, когда идет речь о конкретных продуктах – сахаре и масле, т.е. о «хорошей пище». В известном смысле это можно считать определенной фетишизацией продовольственных продуктов, вызванной непрекращающимся чувством голода: «еда» остается чистой процессуальностью («чувство еды», т.е. ощущение от поедания пищи), в то время как пища становится объектом желания, необходимой предпосылкой для возможности сесть за еду¹². Чувственная и почти метафизическая насыщенность образа «немыслимой пищи»¹³ становится особенно заметна, если сопоставить ее с бытованием в дневнике Зальцмана слова «продукты» (4 вхождения) – острого и лишнего эмоциональной окраски синонима пищи:

1. «С *продуктами* стало трудно. Беженцы всё прибывали, окрестности давно бомбили» (138);
2. «Он объяснил мне после одного из обедов, что лежит здесь, чтобы сэкономить *продукты*» (153)¹⁴;
3. «Последние *продукты* ведерниковского чемодана, который спас не всех нас, кончились» (149).

Отдельного упоминания заслуживает упомянутый «ведерниковский чемодан». Он принадлежал Ф.Г. Ведерникову, соседу семьи Зальцман, оставившему у них чемодан на хранение «на случай пожара». Позволим себе привести длинную цитату, поскольку она наилучшим образом иллюстрирует особенности и причины использования Зальцманом лексемы «пища». Мы

¹² Отметим также ритуальный характер этого процесса в вышеописанных отрывках: «еда» должна совершаться за столом, непременно застланном белой скатертью, и непременно в должном порядке; несоблюдение ритуала порождает конфликт.

¹³ Ср. со следующим высказыванием в дневнике С.К. Островской: «Когда садимся за стол и я ему подаю либо суп, либо кашу, либо сладкий чай с сухариками, на лице его появляется блаженная улыбка предельного сладострастия – глядя на тарелку, он улыбается *пище*, он замирает от восторга, он влюбленно переживает наступающий *момент обладания пищей*. Старик Карамазов, вероятно, улыбался так, ожидая Грушеньку» (Островская 2013, 291-292).

¹⁴ Этот случай особо показателен, поскольку слово «продукты» исходит от циничного и хорошо обеспеченного человека, которому чувство голода и мучений чуждо: «Администратор Яковлев с блестящими глазами, мой сосед по койке, показал для меня тот тип, к которому впоследствии принадлежал и я. Цинизм, с удовольствием излучаемый, естественно, был единственным средством утвердить себя и существовать среди других, а главное – достать их сочувствия, так как сочувствие другого сорта было уничтожено. Сострадание немыслимо, а вид голода и мучений <был для него> просто противным и глубоко неинтересным, так что <он> отворачивался со скукой. Он объяснил мне после одного из обедов, что лежит здесь, чтобы сэкономить продукты, что его жена и сын в полном порядке, что у него родственник на хлебозаводе и т. п. Потом я узнал, что он может продать хлебную карточку» (там же).

отказываемся от сокращений в первую очередь для того, чтобы наглядно показать частотность бытования слова на участках текста относительно малой протяженности:

«Мы все ещё надеялись, что дождемся снятия блокады, и ждали. Роза молчала, и я не помню её слов. Она между тем говорила о *пище*, но тихо и незаметно. Это я помню, потому что она просила ночью меня рассказывать ей, а потом не позволяла.

У нас не было оснований мечтать о *пище*, но у многих она еще была. Против нас Корсаковым завхоз Октябрьской гостиницы притащил на сохранение чемодан с колбасой, салом и т. п. Они рассказывали об этом, и то, что это так близко и что они этого не берут, не давало покоя. Но украсть это было невозможно, ни я, ни Роза ничего не могли сообразить. Однажды мы были уже в постелях и накрыты. Она не засыпала, думала об этом и вдруг сказала:

– Если б у нас был такой чемодан. А вот Ведерникова чемодан – что в нем?

Я ей ответил, что они обычно оставляют у нас свои драгоценности и что в этом нет для нас ничего интересного.

– А вдруг там *пицца*?

– Что за нелепость, откуда там может быть *пицца*? У тебя просто <в голове> от голода творится чепуха. Давай будем спать, ничего не сделаешь.

Но она сказала:

– Ну посмотрим, что нам стоит посмотреть?

Я знал, что это невероятно, потому что каждый раз они оставляли тот же чемодан с вещами. Но мы соскочили, и я вытащил чемодан, страшно тяжелый, из-под фортепиано, положил его на пол около стола, дверь в комнату папы и мамы была уже закрыта, и развязал веревку и открыл замки. И он легко раскрылся. Я ясно представил, что поползет утрамбованное белье и газетные пакеты с посудой, что нужно будет всё это опять запаковывать и ложиться. Но вместо того, что мне твердо и ясно виделось, показалась неожиданность – весь чемодан, совершенно открытый, был занят аккуратно уложенными мешками.

Роза закричала, и мы позвали маму и папу, которые еще не легли. Там было два мешка рису, сахар, крупа, белая вермишель, четыре коробки тортов и больше десяти пакетиков чаю. Кажется, была и манная. Мы смотрели и ходили вокруг чемодана, не веря своим глазам. Это всё было наворованное Ведерниковым, потому что достать и получить этого он законно нигде бы не мог. Мы не могли колебаться и отсыпали себе всего понемножку. Мы бесконечно надеялись и чувствовали, что может не понадобится много, только бы дожить до поворотного пункта, о котором всем хотелось думать, до того, когда нам опять станут давать хлеб и *пищу*¹⁵, мы знали, что в тот же день, когда их немного отодвинут, в Ленинград пойдет *пицца*. Но пришлось брать ещё и ещё, время шло в бомбежках и пожарах, ничего не изменялось и ужасный голод всё рос» (145-146).

¹⁵ Характерно, что хлеб – основной продукт питания в блокадном Ленинграде – выступает здесь на уровне языка в роли отдельной от «пищи» категории.

Пища – не еда – является безусловным объектом одержимости, о котором говорят и мечтают и ради которого готовы на воровство. Оправданием хищения становится тот факт, что перечисленные продукты были очевидно краденными¹⁶. Появление в тексте дневника лексемы «пища» и в дальнейшем связано с чемоданом Ведерникова и с мотивом воровства:

1. «Ведерников, приходя к нам, видел его <чемодан. – И.К.> там же, и ему, видимо, не приходило в голову, что случилось. Он был уверен, что мы не догадываемся о **пище**» (146);
2. Ведерников «растерянно несколько раз спрашивал: "Неужели все?" "Все, там остались только пакетики чая" (после мы очень жалели, что оставили чай, так как его можно было променять на **пищу**)» (149);
3. «Ужасно было то, что начальствующая сволочь действительно не позволяла уносить полагающуюся мне **пищу**, я обязан был съесть ее за столом, за этим даже следили¹⁷. Поэтому я принужден был воровать ее. К сожалению, одно из противнейших воспоминаний – когда я убеждался, что украсть эту **пищу**, стоящую передо мной, и припрятать нельзя, тогда я, вероятно, даже радовался (точно не скажу)» (154).

Другим заметным мотивом, сопровождающим использование слова «пища», является обмен и приобретение продуктов питания, а также их наличие или отсутствие:

1. «Вообще с **пищей** на Новодеревенской станции было нормально, так как был взят большой запас» (139);
2. «...сверху завод представлял действительно мало заводское зрелище. Но я ничего не получал там съестного. С **пищей** становилось трудно» (142);
3. «А мы дома, я и мама особенно, старались отыскать **пищу**» (142);
4. «В конце разговора она посоветовала нам что-нибудь променять на **пищу** и предложила помочь. Это тогда было ново, менять на **пищу** начали не сразу» (151);

¹⁶ Зальцман не мог не думать здесь о своем романе «Щенки», одна из глав которого, написанная в начале 1930-х гг., имела эпиграф «Вор у вора веревку украл» (Зальцман 2012б, 46).

¹⁷ Речь идет о посещении стационара, куда страдающего от дистрофии Зальцмана определили на котловое питание. Этот шанс предоставлялся только ценным работникам обороны (Зальцман работал на маскировке промышленных объектов). См. наблюдение Зальцмана об одном из соседей: «Он и тогда был очень деятельный и благополучный, выглядел хорошо и упитанно, всегда радостный и самоуверенный со своей бородой <...>, а дочка его носила какую-то **пищу** в узелке. Также лежала начальница 1-го отдела С.М. Она мне однажды объяснила, почему не дают уносить полагающуюся мне **пищу** из столовой стационара: "Ведь государство кормит вас, и вы должны это ценить, а вовсе не вашу мать, жену или дочь"» (154). В другом отрывке органы распределения продовольствия именуется «питающей инстанцией» (153).

5. «Я страшно хотел принести домой *пищу* и еще долго после, идя с чем-нибудь ценным, думал, что самое плохое пронесет (тревогу или что-нибудь в этом роде)» (150).

Тем самым можно сказать, что слово «пища» маркировано в первую очередь мотивами голода, необходимостью все время думать о том, как достать продукты питания, враждебностью к другим людям как конкурентам, которым доступны альтернативные – как правило, незаконные – источники самообеспечения, и, как следствие, сложный комплекс чувства вины и самооправдания за компромиссы со своей совестью и этическими и правовыми поведенческими нормами. По большому счету, дневник Зальцмана – безжалостный суд над самим собой, мирозданием и его творцом, ставящим людей в ситуацию, когда они вынужденно теряют человеческий облик. Важно подчеркнуть, что дневником этот документ можно считать лишь условно: Зальцман писал его, по всей видимости, «по свежим следам» событий, сразу после эвакуации в Алма-Ату в 1942 году. Впоследствии Зальцман обводит полустершуюся карандашную запись ручкой, тем самым еще раз физически переживая как события блокадной зимы, так и ощущения от их описания. Если от других произведений Зальцмана – стихотворений и прозы – до нас дошли более поздние копии, в которых художник зачастую параллельно перерабатывал исходный текст, то здесь он отказался от копирования, посчитав нужным восстановить в прямом смысле слова полустершиеся воспоминания, отказавшись от их переработки. Повторное переживание травмы знаменует собой в данном случае демонстративный и осознанный отказ от ее сублимации.

Обращение к художественному наследию Зальцмана показывает, что по отношению к использованию лексики еды и пищи события блокады пали на подготовленную почву. Постоянное присутствие темы голода в личном автобиографическом тексте художника, литературном и политическом языке эпохи, призывающем «не делать из еды культа» (Ильф/Петров 1961, 70) и заменившем ее пищей, находит свое выражение и в центральном произведении Зальцмана – романе «Щенки». Роман повествует о путешествии двух братьев-щенков через охваченную братоубийственной войной послереволюционную Россию. Центральная тема романа – физический и духовный голод, стремление людей и животных избежать одиночества и смерти, борьба с персонифицированным Злом, воплощенном в образе Сова – сладострастного существа мужского пола, соблазняющего девушек пищей¹⁸ и вочеловечивающегося в последней части незавершенного рома-

¹⁸ Ср.: «Она обещает пищу в теплом доме. Им видится накрытый стол. У окороков заморожен жир, он отогревается губами и пронизан морозными трещинами. Ветчина хрустит под ножом» (54) (Здесь и далее цит. по Зальцман 2012б с указ. стр.). Характерно, что Балабан, человеческая ипостась Сова в «ленинградской» части

на. Людями и животными движет одна сила – непрекращающийся голод, и водоразделом между персонажами выступает либо катастрофический недостаток, либо гипертрофированный избыток пищи. Персонажи «вынюхивают пищу» (10), поскольку «пища прячется» (10) и «из каждого угла тянет пищей» (138); «распаковывают пищу украдкой» (41) и уносят ее, «запрятанную в чемоданы, мешки и узлы» (42); «падки на пищу» (172), они «бросаются за пищей» (41), «устремляются к пище» (47), «поднимают голову за пищей» (179), «пялят глаза, высматривая пищу» (98), «торопятся добраться до пищи» (140), «находят пищу и забирают ее себе» (57), «сидят <...>, согнувшись над пищей» (43); «пища в руках у ртов» (51), «рты собирают со стола пищу» (63). Однако не для всех пища стоит в центре жизненных интересов – так, мальчик Петька, молясь о возвращении девочки Лиды, в которую он влюблен, произносит сакраментальные слова: «Боже мой! Молюсь тому, кто исполнит молитву. Руки побиты сапогами. *Пошли в лесу хлеба не в пищу, а для жизни*¹⁹. Возврати ее, дай отыскать. Не прошу ни о чем – только это. Пусть потом отплатится горем. Боже мой, умоляю тебя, окончи мои мученья. Сделай так, чтоб мы были вместе. Я согласен на всё после. Пусть умру, как не умер. Пусть не спасусь от голода, после, не теперь. Дай прожить вместе. Дай найти. Дай ее увидеть» (58-59).

В романе Зальцмана сохраняется противопоставление «еды» «пище» по уже отмечавшемуся значению процессуальности (ср., напр.: «Голодные под дождем сносят *пищу* под сосны и с шумом собираются на *еду*», 50). Одна из глав романа называется «Еда»: в ней голодный слепой просит о хлебе, а в качестве компенсации за милостыню ест землю: «роет под муром желтыми пальцами, скребет ногтями и, набравши глины, кладет в рот. Странно видеть, как он мочит слюной, жует пыльную массу и глотает. И возле рта мокрая глина» (121). На еду собираются, за нее принимаются и ее кончают. Тот факт, что по частотности употребления в романе пища (40 вхождений на 87,5 тыс. словоформ) значительно превосходит еду (17), говорит также и о том, что сесть за еду персонажам выпадает куда реже, чем искать пищу²⁰.

романа, выбирает для интимной встречи общественный туалет, тем самым ставя любовный акт на одну ступень с дефекацией – избавления от остатков пищи.

¹⁹ Ср. с новозаветным «не хлебом одним будет жить человек» (Мф. 4:3-4).

²⁰ Отметим обратный случай у Л.Я. Гинзбург. НКРЯ, фиксирующий у нее явное превалирование «еды» над «пищей» (85 vs. 18 вхождений) охватывает издание, в которое входят и «Записки блокадного человека» (Гинзбург 2002). Более пристальный взгляд на не учтенный НКРЯ «День Оттера» (Гинзбург 2011, 208-282) только подтверждает эту тенденцию в блокадном тексте Гинзбург: лексема «пища» встречается 12 раз, из них шесть раз в рамках устойчивого словосочетания «приготовление (изготовление) пищи»; «еда» – 111 раз. Это объясняется прежде всего тем, что в центре внимания Гинзбург находится всё, связанное с процессом еды (само это словосочетание встречается у Гинзбург трижды), а не пища как таковая. Ср.

Случай Павла Зальцмана является лишь одним из многих примеров того, как тематика и проблематика голода определяет выбор слов для его описания. Тот факт, что схожие механизмы отмечаются и в фикциональных, и в нехудожественных текстах, может объясняться, конечно, и особенностями идиолекта авторов. Представляется, однако, что за этим стоит более важный феномен – проникновение внелитературной реальности в плоскость текста и создание особого, «голодного» языка, в котором, вопреки зафиксированной в словарях и сухих схемах картине, еда – совсем не «то же, что пища».

Литература

- Апресян Ю. (ред.) 1997. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Вып. 1. Москва.
- Чернышев В. (ред.) 1959. *Словарь современного русского литературного языка*. (БАС) Т. 9. Москва, Ленинград.
- Евгеньева А. (ред.) 1999. *Словарь русского языка*: В 4-х т. (МАС). 4-е изд. Москва.
- Гинзбург Л.Я. 2002. *Записные книжки. Воспоминания. Эссе*. Санкт-Петербург.
- Гинзбург Л.Я. 2011. *Проходящие характеры. Проза военных лет. Записки блокадного человека*. Москва.
- Зальцман П. 2012а. «А дальше началась страшная блокадная зима...» (Из блокадных воспоминаний). *Знамя* 5, 129-155.
- Зальцман П. 2012б. Щенки. Проза 1930-50-х гг. Москва.
- Ильф И., Петров Е. 1970. *Золотой теленок. Собрание сочинений в пяти томах*. Т. 2. Москва, 7-386.
- Островская С. 2013. *Дневник*. Москва.
- Ушаков Д. (ред.). 1935–40. *Толковый словарь русского языка*: В 4-х т. Москва.
- [Хроника] 1940. *Словарь современного русского литературного языка. Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка*. Т. 1. № 3. М., 137-139.

«этапы еды» (12 раз!), «наслаждение едой», «время еды», «жанры еды» и т.д. Детальный анализ блокадного языка Гинзбург – задача отдельного исследования.